

Под Стокгольмским Воззванием о защите мира подписалось 115 миллионов 275.940 советских граждан

От Советского Комитета защиты мира

Советский Комитет защиты мира подвел итоги проводимой в СССР кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием...

На основании поступивших с мест отчетов Советский Комитет защиты мира установил, что сбор подписей в стране под Воззванием...

С начала кампании — с 30 июня по 1 августа — под Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира всего подписалось 115 миллионов 275.940 советских граждан.

Итоги кампании показывают, что все взрослое население Советского Союза единодушно высказалось против войны, за запрещение атомного оружия...

первым применит атомное оружие против какой-либо страны.

Советские люди, единодушно скрепив своими подписями Стокгольмское Воззвание, продемонстрировали всему миру глубокое миролюбие...

На многочисленных собраниях и митингах трудящиеся СССР заклеймили позором иностранных агрессоров, ведущих разбойничью войну против корейского народа...

Сбор подписей в СССР под Стокгольмским Воззванием проходил в обстановке мощного политического подъема в городе и деревне.

Итоги кампании по сбору подписей под Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира свидетельствуют о том, что народы Советского Союза под руководством своего Правительства и впредь будут идти в первых рядах борцов против войны...

Письма советских людей

Народ поставил свою подпись!

Уважаемый товарищ редактор! В то время как Трумэн требует от конгресса США новых миллиардов долларов...

Истеричный президент требует военной мобилизации для развязывания новой мировой войны. А советский народ, мы, педагоги, наши воспитанники...

самый могучий вождь мира — товарищ Сталин.

И читаю письма, и на душе становится особенно радостно и тепло.

Я верю в победу мира, я, старая воспитательница советских детей. В нее верят все мои воспитанники. Многие из них стали агрономами и педагогами, врачами, летчиками-истребителями...

Наш любимый вождь товарищ Сталин не позволит людям с Уолл-стрит развязать новую мировую войну.

Ольга СЕМЕЧКИНА, заслуженная учительница Киргизской ССР

Мария ШИЯН, Герой Социалистического Труда Колхоз имени Л. М. Кагановича, Киево-Святошинский район, Украинской ССР

Борьба за мир продолжается

Сегодня я узнала, что под Стокгольмским Воззванием подписалось более 115 миллионов советских граждан.

чтобы люди жили в счастье и спокойствии? Я дорка, за мной правление колхоза закрепило восемь коров. В 1947 году я дала слово надоть от каждой коровы по 5 тысяч литров молока.

все усилия к тому, чтобы до конца года выполнить свои обязательства, — усиленно готовимся к зиме, утепляем помещения для скота, заготавливаем корма.

Свои скромные трудовые успехи я посвящаю великому делу мира и прилагаю все усилия для того, чтобы никогда подлые злоумышленники не осуществили своих кровавых замыслов...

Ныне, когда весь советский народ полна своей мощной силой против поджигателей войны, я встала на вахту мира, а вместе со мной и мои дорогие друзья, работники фермы — молодые дорки Анна Косарская, Анна Верук, а также знатный пастух Василий Юзюфович.

Так думают все честные люди

Трудящиеся моего родного Кормянского района Белоруссии, как один человек, поставили свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

атомщиков. Как хорошо живется в нашей стране, какое ясное, безоблачное небо над нами! Нет, мы не дадим поджигателям сделать свое гнусное дело.

фашистской чумы. Много наших боевых товарищей похоронено на просторах родной земли, много наших боевых друзей пало смертью храбрых на чужой земле.

А. КВАШНИН, Село ВИКУЛОВО Викуловского района, Тюменской области

Мне, старому солдату, довелось защищать Родину от фашистского нашествия. Я воевал в рядах армии, которой командовал сталинградский герой генерал Чуйков.

А. ПЕТРОВ, Станция ЛЯДЕЛУПЕ Латвийской железной дороги

В Великой Отечественной войне мне, старой русской женщине, пришлось испытать тяжелое горе — двое моих сыновей и муж отдали свои жизни, защищая Родину.

М. БЕЛОРУСОВА, Город ЖОЛКВА Львовской области

Мир побеждает войну!

25 июля мы закончили косовину и жату озимых хлебов на площади в 275 гектаров. Рожь связана, сложена в кресты и скирдуется.

Я — учитель. Живу в далеком Викуловском районе, Тюменской области. В эти дни я поставил свою подпись под Воззванием мира и хочу присоединить свое гневное слово протеста против заокеанских

Хлеб во имя мира

МИНУСИНСК. (Наш спец. корр.). В Сибири, в Красноярском крае, началась уборочная кампания — пятая хлебоуборка послевоенной сталинской пятилетки.

яблоно. Летом они роют колодцы, тнут воду из рек и водоемов. Сибирским Крымом стали называть Минусинск еще с тех пор, как начал он выращивать богатейшие урожаи хлеба.

Речь колхозного бригадира Героя Социалистического Труда Иннокентия Бууркова на предуборочном митинге в селе Николо-Петровка

Товарищи! Завтра наш колхоз приступает к уборке. Завтра посыплется золотое зерно в государственные и колхозные закрома.

за Одер, за Олау, за Бриг, Питтшен, Люккау. Вся география — на груди.

И все двинулись к пятому солдату, к Назару Петровичу Кривоко. Он тоже воевал, хотя старик. Сам ушел на фронт.

Мы не хотели войны. Весь мир это знает, нам ее навязали. Мы не хотим войны и сейчас. Мы мечтаем о садах, о 200-пудовых урожаях, о дворцах культуры.

И в то же время Минусинский район — сибирский Крым. Район так называют с тех пор, как он весь покрывался садами.

Соберем, товарищи, урожай до зерна, до зернышка, до колоска и, не откладывая, сядем составлять план следующей пятилетки, писать новую заявку товарищу Сталину.

Да, товарищи, наш скромный труд решает судьбы истории. Пусть капиталистические хищники пугают мир атомными бомбами.

Мы подсчитали на партийном собрании, что в 1962 году мы будем получать по полпуда хлеба на трудящегося.

Мне было 17 лет, когда я добровольцем ушел на фронт... С первого дня войны и до последнего я был разведчиком в моторострелковой части.

У Артема Петровича Кривоко в «Спартак» на зероферме 150 лис, а ферма принесла 140 тысяч рублей дохода в прошлом году.

Помню момент прощания с частью, когда меня в последний раз ранили. Я сказал: «Товарищи, вы обо мне еще услышите».

Тогда мы стали перечислять, что мы сами сделали и чего не сделали. Севоборот освоили, культурные травы есть, агротехника — по Мичурину, по Лысенку.

— Это ты — Буурков? — Я, отвечаю. — Кем, спрашивает, был ты в колхозе? — Посмотри в газете, там все напечатано.

Решили мы в следующей пятилетке крепко поучиться, иначе не добьются нам настоящего изобилия. Довольно сказать с места на место: сегодня зерновод, завтра посеводец, послезавтра пчеловод.

И вот, товарищи, нынешний урожай — последний без искусственного поднава. В будущем году мы встретимся на наших полях с Сталином!

Каждый знает свою диспозицию, знает, кто его сосед справа, кто его сосед слева. Каждый знает, за что он воюет, какие исторические задачи решает.

Я вдумываюсь в свою жизнь, что со мною стало, какого человека из меня сделала советская власть, и я сам себе говорю: «Иннокентий, неужели это все, чем ты можешь ответить стране за такую честь».

Мы собираемся иногда в воскресный день (солдаты-колхозники, одних коммунистов у нас четырнадцать человек) и спрашиваем друг друга: «Какая сила сильнее нас?»

«...народы Советского Союза под руководством своего Правительства и впредь будут идти в первых рядах борцов против войны, за укрепление мира во всем мире».

Мир побеждает войну! Так говорят советские люди и вместе с ними — все прогрессивное человечество.

За каждой из 115 миллионов подписей советских людей под Стокгольмским Воззванием — частичка нашего созидательного мирного труда, составляющего такую силу, которая обуздает новых претендентов на мировое господство.

Валентин РАКИТСКИЙ, бригадир прессового участка фабрики «Парижская Коммуна» МОСКВА

Наш мирный труд

Новые пути советского языкознания

Проведенная «Правдой» дискуссия по вопросам языкознания имеет огромное значение для всех общественных наук.

Эта дискуссия была организована с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застои в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области.

Как возник застой в языковедческой работе и в чем его причины?

Застой выражался в том, что вследствие порочности теоретических положений, из которых исходили языковедческие институты Академии наук СССР и союзных республик, кафедры языковедения столичных университетов и в результате зажима критики работа языковедов или приостанавливалась (например, в области исторических и сравнительных грамматик славянских, тюркских и других языков), или шла по ложному направлению, не давая необходимой для страны научной продукции. Подготовка молодых научных кадров в области языкознания была дезорганизована.

«Ученики» акад. П. Я. Марра под научной работой разумели лишь «разработку марковского наследия», т. е., фактически, переписывание на разный лад положений Марра. Сравнительно-историческое научное славянское языковедение, в том числе и русского, было превращено, потому что эта работа квалифицировалась «ученическими» Марра, как... проявление теории языковедения, следовательно реакционного буржуазного языковедения. С их точки зрения, такие близкие между собой языки, как славянские, это не языки, связанные узами родства и происшедшие из одного источника, а совершенно различные языки, приобретшие в результате скрещения между собой новое качество и ставшие похожими друг на друга. В результате, авторитарность исследования в области исторической грамматики русского и других языков СССР. Филологические факультеты университетов и педагогических институтов оказались без учебников по языковедческим предметам, в частности, без учебника по истории русского языка. В тех же случаях, когда «ученики» Н. Я. Марра затрагивали вопросы истории русского или украинского языка, их высказывания имели характер фантастических домислов и недопустимых натяжек. Так, например, проф. Н. Ф. Яковлев называл городом Черкассы на Украине и Повочеркасса на Дону ссылаясь на бесспорное доказательство участия черкасских племен и образовании украинского народа (и языка).

Проф. П. П. Гришковца рассматривает закономерно развившиеся в южнорусских говорах «аканье» (произношение безударных гласных о, е, как а, я, например, вада, ясу), как механический результат скрещения «восточнорусских племенных языков с языками древнейших титологов», т. е. с неславянскими языками.

И. В. Сталин нанес сокрушительный удар теории скрещения. Он доказал, что при скрещивании языков не появляется какой-то качественно новый язык, а один из языков выходит обычно победителем, сохраняет свой грамматический строй и основной словарный фонд и продолжает развиваться по своим внутренним законам, в то время как другой язык постепенно отмирает, несколько обогащая лексику победившего языка.

Причиной застоя явился установившийся в языкознании «марковский режим», при котором «ученики» Марра, монополизировав эту область науки, насаждали ложные вульгаризаторские теории.

Выступление в дискуссии И. В. Сталина открыло новую эпоху в марксистской науке о языке. Его огромного исторического значения работы: «Относительно марксизма в языкознании» и «В некотором вопросе языкознания» и «Ответ товарищам» — образец творческого применения марксистского материалистического метода.

И. В. Сталин показал в них, что в области языковедческой теории Н. Я. Марра «был всего лишь упрямый и вульгаризатор марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».

Н. Я. Марр и его «ученики» исходили из марксистского понимания языка, как надстройке. И. В. Сталин показал, что «язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутренним данному обществу, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков», что «...сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична».

Признав язык надстройкой над экономическим строем общества, Марр и его «ученики» сделали вторую ошибку: поскольку всякая надстройка имеет классовый характер, то и язык, — рассуждали они, — должен быть не общенародным, а

С. НИКИФОРОВ,
доктор филологических наук

классовым. Исходя из того, что у каждого класса свой, «особый» язык, «ученики» Марра стали говорить о «дворянском языке», «буржуазном языке». В планах научно-исследовательской работы языковедческих институтов Академии наук стали появляться такие темы, как «Язык колхозного крестьянства», и подобные.

И. В. Сталин разбил эту вульгаризаторскую «теорию» и доказал, что язык «...создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилием сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества». Рухнула «теория» Н. Я. Марра, что «нет языка, который не был бы классовым», что «все языки, в их числе и национальные языки Европы и Кавказа, — классовые».

Конечно, как указывает И. В. Сталин, классы вносят в язык свои специфические слова и выражения, иногда по-разному осмысливая одни и те же слова и выражения. Поэтому при анализе особенностей языка, например, писателя революционного-демократического направления, борющегося против буржуазной культуры, необходимо учесть, что в процессе этой борьбы писатели-демократы отбирали из общенационального языка определенные слова, фразеологические обороты и синтаксические конструкции и нужным образом осмысливали их.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания по-новому поставили перед писателями и литературоведами проблему изучения изображения речи действующих в произведении лиц. Из работ И. В. Сталина вытекает, что при исследовании развития национального литературного языка ни в коем случае не следует преувеличивать роль в этом процессе классовых элементов (слов и выражений), как это делали литературоведы вульгаризаторской перевернутой «шпильки», когда они осмысливали своеобразно художественной речи И. В. Гоголя, А. П. Толстого, А. М. Горького и ряда других писателей.

В свете указаний товарища Сталина полезно напомнить слова А. М. Горького, сказанные им в адрес начинающих литераторов: «...Литератор должен писать по-русски, а не по-вятики, не по-балхашски». Ведь диалекты при наличии общенационального национального языка подчинены последнему, являются его ответвлениями.

Гениальные работы И. В. Сталина по языкознанию обязывают писателей и критиков заново продумать вопросы художественной формы и языкового мастерства в художественных произведениях.

Признавая язык общественным явлением, рождающимся и развивающимся с рождением и развитием общества, И. Я. Марр разорвал язык и мышление. Он говорил: «Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления... Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике».

И. В. Сталин разбил эту идеалистическую концепцию П. Я. Марра, разъяснив, что: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Огненные мысли, свободных от языковой «природной материи» — не существуют».

И. В. Сталин гениально глубоко и просто показал связь мышления и языка: «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях, то существо его специфика, подпадающей научному исследованию, представляющей грамматический строй языка и его словарный состав. Благодаря грамматике, представляющей собой собрание правил о изменении слов и сочетании слов в предложениях, язык получает возможность обозначить человеческие мысли в материальную языковую оболочку».

Это сталинское учение о языке прямо противоположно взглядам Н. Я. Марра, считавшего грамматику пустой «формальностью», внедрившего вместо со своими «учениками» такую оценку грамматике в школу и расшатывавшего этим основу преподавания языка. Сталинское учение о грамматическом строе языка и его основном словарном фонде, как основе языка, отныне станет прочным фундаментом преподавания языка в школе и поднимет на надлежащий уровень культуру речи учащихся.

Благодаря выступлениям товарища Сталина для всех стал ясным и тот материал, который языковеды должны изучать в каждом языке: его грамматический строй, постепенно совершенствующийся, и основной словарный фонд, пополняющийся в течение всей истории народа, говорящего на данном языке, новыми словами, возникающими в связи с изменениями в общественном строе, в связи с развитием производства, культуры и науки.

И. В. Сталин своими гениальными трудами повернул языковедение к реальным требованиям жизни, к работе для нужд многоязычного населения Советской страны. «Ученики» и последователи Н. Я. Марра блуждали в дебрях «теории» о четырех пресловутых трудящихся элементах, путем трансформации которых сложились якобы все языки мира.

И. Я. Марр и его «ученики» механистически перенесли общественные отношения в область грамматики (акад. И. Мещанинов называет это установлением «социальной значимости» грамматических форм). И. Я. Марр учил, что слова в предложении согласованы так, «как согласованы в жизни члены любой производственной организации».

Тщетно «ученики» И. Я. Марра пытались во время дискуссии зашпильнуть или замазать ошибочные концепции своего учителя.

В итоге дискуссии, в результате выступлений И. В. Сталина, советское языкознание сбросило с своего пути вульгаризаторские «теории» Марра и его «учеников». Отныне оно уверенными шагами пойдет вперед, развертывая научную работу на прочной основе марксистско-ленинской теории языка, с гениальной мудростью и простотой изложенной в трудах И. В. Сталина.

Его указания о развитии и совершенствовании марксизма как науки необходимо полностью применять к языкознанию, которое не может развиваться и совершенствоваться, не обогащаясь новым опытом, новыми знаниями, без смелого и глубокого изучения законов развития языка, применительно к конкретным условиям каждого исторического периода. Перед советскими учеными стоит задача решительной борьбы со всякого рода научниками, тамуздами, вульгаризаторами — со всеми теми, кто не понимает живого, творческого, революционного духа марксизма.

Большую роль в осуществлении руководящих указаний И. В. Сталина призван сыграть только что организованный Институт языкознания Академии наук СССР. На него возложена ответственная и неотложная задача — возглавить глубокое и конкретное изучение и многогранные языков Советского Союза и ряда зарубежных европейских языков.

Институт запланировал начать работу выпуском двух сборников теоретического характера: «Основные вопросы языкознания в свете работ И. В. Сталина» и «Критика «единичностной теории» П. Я. Марра».

В тематическом плане Института языкознания важное место занимают работы как в области исторических грамматик ряда языков, в частности русского, так и по созданию сравнительно-исторической грамматики семей языков. Расширяется работа по изучению языков в их современном состоянии.

Институт принял активное участие в составлении вузовских программ по введению в языкознание, по исторической грамматике русского языка, по истории русского литературного языка, по старославянскому языку.

Эти программы оценены от вульгаризаторских «теорий» Н. Я. Марра и его «учеников». Программы разрабатывают конкретный материал на основе указаний И. В. Сталина о грамматическом строе языка и его основном словарном фонде, как о предмете изучения. Внутренние закономерности развития конкретных языков устанавливаются в неразрывной связи с историей народов — творцов и носителей этих языков.

Большая и трудная работа только начала. По советские языковеды, вдохновленные гениальными трудами И. В. Сталина, приложат все силы к тому, чтобы выполнить призыв вождя, обращенный к советским ученым: «Занять первое место в мировом языкознании».

Ни пятнышка на белом халате!

Против

«нормированной» чуткости

Врач Е. КОЛОСОВ

Нигде в мире народ не пользуется так широко всеми достижениями медицины, как у нас, в стране передовой социалистической культуры. Отношения между народом и врачами установились у нас самые душевные, самые близкие. Советский гражданин с младенчества, с первого дня рождения находится под любящим, заботливым попечением работников медицины.

Профессия советского врача не терпит казенщины, формализма. Правильно сказал в своей статье доктор М. Державец: «Всегда и везде, при любых обстоятельствах советский врач должен чувствовать себя в белом халате». Не должно быть у нас «нормированной» чуткости — чуткости только в служебные часы. В личных беседах мы часто осуждаем тех медиков, у которых больные уходят неудовлетворенными. Но на суд общественности такие факты почему-то не выносятся.

Пришел пациент к врачу. Он хочет обязательно поговорить со специалистом, хочет, чтобы его внимательно выслушали. Но по часу врач торопит его: скорей, скорей! Он поспешно выслушивает больного, одновременно что-то записывая, и, не успев дописать, уже зовет в свой кабинет следующего пациента: «Проходите, не задерживайтесь!».

Разве это терпимо?

Есть у нас случаи, когда врачи при больном высказывают свои опасения еще до того, как детально выяснят диагноз. Неосторожно брошенное слово может посеять в больном неверие к врачу, ощущение безнадежности. Иной раз сам врач таким образом «создает» болезнь. В записной книжке А. П. Чехова есть любопытная запись на этот счет. Больной идет к доктору. Тот выслушивает пациента и ставит диагноз: порок сердца. Больной меняет образ жизни, лечится, сокращается, всем жалуется на болезнь, привыкает к своему «пороку сердца».

А потом другие врачи устанавливают, что сердце у этого человека было и остается... совершенно здоровым. Но «больной» уже привык, ему даже неудобно расставаться со своей старой болезнью.

Дело врача — не только выявлять недуги и ликвидировать их, но и постоянно поддерживать в больном доброту, веру в свои силы, душевную стойкость.

И — старый врач и хочу сказать свое мнение по самому острому вопросу статьи М. Державца — о частной практике. Что это такое, товарищи? В поликлинике, в служебные часы, которые длится «от и до», такой врач подчас сум, официален, торопится. Зато у себя дома, при частных визитах к нему, он преображается: вежлив, предупредителен, рассаживает в любезности. И выслушивает внимательно, не торопится, заботливо. Частная практика — пережиток прошлого, с которым пора бы давно расстаться. Лет двадцать назад, когда наши медицинские учреждения еще не могли полностью обслужить население, с частной практикой еще можно было мириться. А теперь, когда бесплатная квалифицированная медицинская помощь гарантирована в любое время каждому гражданину, когда на здравоохранение расходуется государством 22 миллиарда рублей в год, частная практика врачей — явление уродливое и нетерпимое. Если больной уходит из поликлиники и обращается к частнопрактикующему врачу, значит, в поликлинике нет должного порядка.

Чтобы покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

Чутьи покончить с частной практикой, надо поднять качество всей нашей работы, надо, чтобы во всех лечебных учреждениях царил подлинная советская чуткость.

На днях в Доме санитарной культуры города Подольска состоялось обсуждение статьи М. Державца «Мысли врача», опубликованной в «Литературной газете» 28 июня 1950 года. Ниже мы помещаем запись отдельных выступлений.

его сознание, на его психику. Иной раз можно слышать в кабинетах врачей: «Смотрите, у больного резко опущенный желудок». Один врач даже сказал больному: «Боже мой, у вас нет селезенки!».

Это и смешно и грустно. Вот так «создают» болезни. Не надо, конечно, больного обманывать, но и нельзя убивать в нем веру в себя, а главное — нельзя торопиться с объявлением больного своих предположений, пока эти предположения не стали точным диагнозом. Это особенно важно понять молодым врачам.

Кстати, я должен сказать, что многие молодые врачи почему-то пренебрегают собраниями и научными конференциями, проводимыми в нашем городе. На научные конференции у нас обычно приходит 20—25 человек, причем, главным образом, старые врачи.

Теперь о частной практике. Я не согласен с автором статьи насчет того, что частнопрактикующий врач непременно ремесленник. В том-то и дело, что частная практика у нас распространена еще среди крупных специалистов. Можете в Москве увидеть таблички, вывески частнопрактикующих врачей. Их немало. В Подольске, впрочем, таких вывесок не видно. У нас частной практики как будто нет.

Голос с места: Она у нас, к сожалению, существует без вывесок!

Суть в том, что многие больные не довольствуются услугами прикрепленного к ним участкового врача и ищут «светила», крупных специалистов. Между тем, все лучшие силы медицины — в распоряжении государственных лечебных учреждений. Но, видимо, есть отдельные врачи, которые слишком холодно встречают больного в служебном кабинете и гораздо более внимательно, гораздо более заботливо, — у себя дома.

Да, они ремесленники!

Главный врач городской больницы В. КУЗНЕЦОВ

Но могу согласиться с тов. Маштак-овым, когда он говорит, что среди подольских врачей нет частнопрактикующих. Есть!

Пейотятно, почему тов. Маштак-ов не называет ремесленниками частнопрактикующих врачей. Конечно, ремесленники! Они, может быть, крупные знатоки, но если они в поголе за гонораром теряют интерес к основной своей работе в лечебном учреждении, — кто же они, как не ремесленники? Выходит, прав М. Державец и неправ Н. Маштак-ов!

Частная практика — это постыдное явление в нашей врачебной среде. Внимание за деньги! Разве это не позорит врача и не оскорбляет больного?

Версаят ишел, что в старое время прокатывал рубль непрерывно шелестел между врачом и больным. Пусть это шелест отойдет в далекое прошлое вместе со всеми другими пороками былых времен!

Чувство безразличия вызывают разговоры о гонораре, полученном от больного: «Меня благодарили за правильный диагноз».

Мы — слуги народа, неподкупные стражи его здоровья. Больные веруют нам свою судьбу. И в этой связи я хочу сказать о так называемом «праве на ошибку». Не ошибка, а брак — так надо квалифицировать те случаи, когда из-за невинности или беспечности врача здоровье пациента наносится ущерб. Там, где дело идет о здоровье советского человека, о его жизни, там нет и не должно быть места «ошибкам».

В коллективе нашей больницы мы обсуждаем каждый случай неправильного диагноза или неправильного лечения. В нашей среде самокритика имеет особое значение, а отсутствие критики всегда пагубно отражается на самом дорогом для нас — на здоровье людей.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Статья заслуженного врача республики М. Державца «Мысли врача» широко обсуждается в среде медицинских работников.

Публикуя сегодня выступления медицинских работников г. Подольска, принимавших участие в обсуждении этой статьи, редакция с удовлетворением отмечает то единство, с каким они осуждают чиновничьи брашские некоторые врачи, забывших о своем высоком долге, и частную практику медиков-ремесленников. Все сходится на одной мысли: ни пятнышка не должно быть на белом халате врача!

В опубликованном на днях сообщении Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР сказано: «К началу II квартала приходилось на 100 больничных коек почти в полтора раза больше врачей, чем в 1940 году. Таким образом, качество медицинской помощи населению, которая, как известно, предоставляется в СССР бесплатно, значительно повысилась по сравнению с довоенным временем».

Задача заключается в том, чтобы каждый медицинский работник выполнял с чистым и высоким сознанием, которые возложены на него советским народом.

В «Литературную газету» продолжают поступать письма читателей, одобряющих основные положения статьи М. Державца. Свои мысли высказывают не только врачи, но люди различных профессий. Это свидетельствует о том, что вопросы, поднятые в статье «Мысли врача», затрагивают интересы широких слоев населения.

К сожалению, в редакционной почте нет откликов руководящих работников Министерства здравоохранения СССР и ЦК профсоюза медицинских работников. Нашим читателям хотелось бы услышать их мнение по вопросам, затронутым как в статье М. Державца «Мысли врача», так и в откликах на нее.

В ближайшее время «Литературная газета» опубликует обзор писем, поступивших в ответ на статью «Мысли врача».

О культуре в нашей работе

Председатель комиссии здравоохранения горсовета врач В. АНДРИАНОВСКИЙ

Народ предъявляет очень высокие требования к врачам. Народ понимает благородную миссию советского медицинского работника. Врач должен быть не только знатоком медицины, но и душевным, обязательным человеком. Плохой человек не может быть хорошим врачом!

Вопросы врачебной этики волнуют не только нас, врачей, они интересуют широкую общественность. Поэтому не случайно на страницах «Литературной газеты» появилась статья М. Державца. К сожалению, в стороне от обсуждения злободневных вопросов нашей жизни стоит газета «Медицинский работник». Кому-то, а ей-то уж следовало бы давно высказаться!

В Подольске наблюдаются факты, когда отдельные врачи, воспринимая барские нравы, обращаются к некоторым пациентам на «ты». Это безобразие! Кто бы ни был у вас в кабинете, старик ли, юноша ли, интеллигент или колхозник — во всем надо относиться с уважением, уважением. Никогда нельзя забывать, что к врачу приходит не проситель, а хозяин страны.

Если врач нечутко относится к больному, он таким отношением толкает его в кабинет частнопрактикующего доктора.

Культура в работе врача — это прежде всего советское, большевистское внимание к человеку!

Против черствости и равнодушия!

Председатель райкома профсоюза медицинских работников З. ЕГУПОВА

Все мы читали роман А. Кондратьева «Иван Иванович» и помним мрачного и черствого врача Гусева. Боясь ответственности, он не захотел оперировать тяжело больную женщину. Такие Гусевы, к сожалению, не перевелись еще в нашей среде. Почему некоторые жители Подольска, при наличии бесплатной квалифицированной медицинской помощи, все же идут на дом к врачам-частникам? Я задумывалась над этим вопросом и хочу ответить: потому, что в практике некоторых врачей, принимающих в поликлиниках, еще не изжиты черствость, холодное равнодушие.

Может ли обобрить больного врач Петровская, если она разговаривает с больным, уткнувшись в бумагу, не поднимая на него глаз? От нее веет холодом. Едва переступив порог, больной чувствует себя как бы виноватым перед сердитым доктором. Так же равнодушно встречаются пациентам, например, врачи Толстикова и Янковский. Поэтому можно часто слышать, как посетители просят записать их к другому доктору.

Есть у нас много хороших, отзывчивых, по-настоящему преданных делу врачей. Они встречают своих посетителей доброй улыбкой, ласковым словом. Назову Маргариту Васильевну Родестаскую, Риту Семеновну Берлин, Виктора Федоровича Андриановского, Людмила Федоровну Искову и многих, многих других врачей Подольска.

Воспитательная работа среди врачей у нас поставлена еще слабо. В этом и наша вина, вина профсоюзных работников. Много еще формализма и показной шумихи в общественной работе. Было время, когда работники нашего профсоюза, не задумываясь, механически перенесли в медицинскую среду формы и методы соревнования, заимствованные в промышленности. Создавались «бригады отличного качества», а кое-где выдумывали нечто совсем лишнее, объявляли соревнования за уменьшение срока пребывания больного на койке, за «экономия медикаментов и перевязочных средств», за «уменьшение срока пребывания на больничном листке». Это вздор, бюрократическая выдумка, нежелание понять специфику врачебной работы.

М. Державец поднял в своей статье важные вопросы, интересующие советскую общественность. По этим вопросам не мешало бы высказаться руководителям Министерства здравоохранения и ЦК нашего профсоюза.

К ВСЕСОЮЗНОМУ ДНЮ ФИЗИКУЛЬТУРНИКА

Спортивный сезон 1950 года. Свыше миллиона лыжников привлекло соревнования сельской молодежи. В значном турнире легкоатлетов участвовало четверть миллиона физкультурников. Второй всероссийский колхозный шахматный чемпионат собрал более 100 тысяч спортсменов, представлявших около 13 тысяч колхозов...

В СССР культивируются почти все известные виды спорта. Какие же из них наиболее популярны? Футбол? Эта игра, действительно, стала у нас массовой: ею регулярно занимается свыше миллиона человек. И все же футбол стоит лишь на пятом месте. Первое занимает легкая атлетика — 3 млн. человек. Далее идут лыжи — свыше 2 млн., волейбол — свыше 1,7 млн.; на четвертом месте гимнастика — свыше 1,5 млн.

Свисток судьи возвестил окончание футбольного матча ЦДКА — московское «Динамо». Зрители, заполнявшие трибуны стадиона, медленно расходятся, обсуждая пережитки только что закончившейся игры.

По те, кто только что были в центре

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 65

Спорт миллионов

внимания, — футболисты ЦДКА и «Динамо» — спешат покинуть стадион. Едут на вечерние занятия в Военно-юридическую академию В. Никоноров, А. Волыгин, В. Ленин, Вяч. Соловьев, А. Портнов. Снежат на практические занятия окончившие высшую школу тренеров А. Хомич и К. Бесков.

В нашей стране насчитывается свыше 600 заслуженных мастеров спорта и 2.831 мастер. Если бы мы хотели заставить их вне привычной спортивной обстановки, то пришлось бы посетить аудитории институтов, научные лаборатории, заводские цеха, врачебные кабинеты.

Чемпион мира по шахматам гроссмейстер М. Ботвинник — инженер-электрик и кандидат технических наук; известная альпинистка, заслуженный мастер спорта Е. Казакова — научный сотрудник Энергетического института им. Кржижановского, кандидат технических и педагогических наук; двукратная чемпионка страны по конькам З. Миропова — хирург Изуской больницы в Москве и кандидат медицинских наук; руководитель многих выдающихся горных восхождений, заслуженный мастер спорта А. Летаев — доктор медицинских наук.

Необязательно широки интересы нашей спортивной молодежи. Об этом свидетельствует простой перечень учебных заведе-

ний, которые окончили в последние годы или в которых сейчас обучаются многие известные спортсмены. Неоднократный чемпион СССР теннисист П. Озеров окончил ГИТЭС, он актер МХАТ. Неоднократный чемпион страны по боксу В. Лушин — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Известный горнолыжник Д. Ростовцев окончил университет марксизма-ленинизма. Павел В. Улаков перешел на четвертый курс. Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и одновременно на второй курс Центрального института физической культуры им. П. В. Сталина.

В декабре 1948 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о развитии физической культуры и спорта. Со времени опубликования постановления в таблицу рекордов страны внесено более 600 рекордов. 66 рекордов наших спортсменов превышают мировые. Это составляет почти четверть регистрируемых рекордов мира по легкой атлетике, плаванию, подтягиванию тяжестей, стрельбам, конькобежному, велосипедному и мотоциклетному спорту. По числу завоеванных мировых рекордов наша страна вышла на первое место, опередив США, Англию и Францию.

Режиссер читает пьесу

Г. ТОВСОНОВ

Литературная часть вручила мне пачку с объемистой рукописью:

— Пьеса о ленинградских студентах...

«Студентскую» пьесу мы искали давно, считая, что она обязательно должна быть в репертуаре Ленинградского театра им. Ленинского комсомола. Автор произведения, которое я получил, был литератор, никогда еще не писавший пьес, но хорошо известный, как поэт и прозаик.

Чем больше я читал пьесу Владимира Лифшица «Студенты», тем больше возрастал интерес к ней. Правдиво показанная жизнь современного советского студенчества, яркие характеристики большинства действующих лиц, возмужанность, с которой автор воссоздавал события и конфликты, — все это привлекало и развлекло.

По вот я дошел до слова «конец». Как читатель, я попрежнему испытывал удовлетворение. Но как режиссер, я был разочарован: десятки непрерывно меняющихся картин, эпизодов, сцен, — разве это представление театральной драматургии?

— Хорошо, — сказал присидевший в театре автор. — Считайте первый вариант «Студентов» творческой запиской, матрицей, на основе которой я буду делать нормальную пьесу...

«Нормальная» пьеса была написана. Все, что подпадало в первом варианте «Студентов», исчезло. Искусственная сюжетная линия — такая, какой она и должна быть в «нормальных пьесах», — вытравлена живые черты героев. Предвзята драматургическая схема обескровлена пьесу.

Оставалось сказать автору:

— Увы! Пьеса не вышла...

Я этого не сделал только потому, что был убежден в собственной ошибке: пьеса, как она была первоначально задумана, нельзя было втиснуть в стандарты драматургических канонов. И я посоветовал автору:

— Забудьте о своей «нормальной» пьесе и попробуйте написать нечто вроде новости в диалогах, не стесняясь себя соблюдением несбыточных театральных законов.

Третий вариант я читал труппе. Поработав над пьесой, автор добился большой композиционной организованности, большей конденсированности материала, нежели в первом варианте: каждая картина была более четко очерчена и насыщена драматическим действием. Но своеобразные манеры редакции «Студентов», своеобразные манеры, почерка драматурга полностью были сохранены.

«Студенты» освоились от драматургических схем, присущих «нормальной» второму варианту, и все, кто присутствовал на чутке, ощутил свободное дыхание жизненной правды, увидели черты полного в образах, в характерах, в поступках героев пьесы... Но реакция, которую она вызывала во время чутки, и чувствовал, что пьеса захватывала актёров. Но когда мы начали ее обсуждение, все за положительными отзывами послышались и недоуменные вопросы:

— Да, по как эту пьесу ставить? Автор, не учитывая театральных возможностей, слишком свободно обращается со сценическим пространством и временем — не помешает ли это восприятию спектакля?

И лишь когда мы начали репетировать «Студентов», всем участникам спектакля стало ясно: нельзя поднимать пьесу только известными, «испытанными» приемами театра, надо искать, изобретать, создавать новые средства и режиссерские приемы, которые позволили бы придать новому слову писателя максимальную выразительность.

2. На протяжении театрального года любой режиссер читает десятки новых пьес. Само собой разумеется, он стремится найти пьесу, которая своей идейной ценностью отвечает за задачи советского театра, соответствующую его представлениям о сцене и о сти.

Недавно я видел постановленную одним из ленинградских театров пьесу И. Никитина «Счастливики». Чем она заинтересовала театр? Темой? Да, несомненно, и темой — очень важной и нужной, которой посвящен уже ряд хороших произведений советской драматургии, — в пьесе речь идет о борьбе против неоправданных привилегий Америки. Но мне кажется, пьеса «Счастливики» привлекала внимание театра прежде всего своей «стопроцентной сценичностью». И. Никитин добросовестно изучил все известные в ремесленной драматургии приемы, правила, наставления. В его пьесе имеется и «сценические положения», и «сценические конфликты»; там, где положено, напряжение нарастает, там, где положено, спадает; сюжет «закручивается» и «раскручивается» по всем канонам сцены. Но дело в том, что ремесленные приемы, приемы «Счастливику» видимость добротной драматургии, «крепко сполоченный пьесы», не могут скрыть ее внутренней пустоты. Зритель смотрит на происходящее на сцене и не верит, что так бывает в жизни.

О «Счастливице» я упомянул не случайно. Нам, режиссерам, хорошо известно, что «сюжеты» подражательных пьес, подобных «Счастливику», устремляются в театры сразу же после появления значительного драматического произведения, впервые открывающего для театра новый материал,

новую тему. С точки зрения давнишних представлений о театральной сценичности, эти пьесы порой более «сценичны», чем произведения драматургов-открывателей, драматургов-новаторов. Но что из этого?

Надо ли повторять, что в нашем театре понятие сценичности давным-давно претерпело коренные изменения. Пьесы Скриба и Сарду некогда считались образцом сценичности, но на представлениях этих пьес наш сегодняшний зритель остался равнодушным. И другой пример: в пьесе И. Иронниковой «Иде-то в Сибири» одна из сцен — беседа секретаря парткома с будущим комсомольским секретарем Пашей Петровым — казалась мне поистине совершенно не театральной. Не зная, что с ней делать, я, работая над спектаклем, оставил ее в неприкосновенном виде: будь, что будет! И вдруг, показав спектакль зрителям, я убедился, что именно эта длинная «радоворитная» сцена по-настоящему волнует зрительный зал, является одной из основных в спектакле.

Стало быть, не старыми театральными канонами, а позитивной жизненной конфликтов, найденных и отображенных драматургом, определяется сейчас сценичность, «интересность» пьесы. Тем не менее мы знаем еще немало режиссеров, которые понимают свою работу с автором (или работу над пьесой), как борьбу за пресловутую «сценическую форму». Вооружившись ножницами и клеем, они мастерят свой «монтаж» драматического произведения, лишая пьесу ее лучших и ценных качеств, тогда, ради чего и для чего она была написана. Интересная, жизненно правдивая пьеса превращается в условную традиционную театральную схему.

3. В театрах при обсуждении кандидатуры режиссера, приглашаемого на постановку пьесы советского драматурга, можно услышать слова, которые, вероятно, удивят непосвященного читателя:

— Это хороший режиссер. Но советские пьесы он ставит не умеет...

Как будто можно назвать хорошим режиссером человека, не умеющего делать самое главное в советском театре — ставить пьесы о советских людях.

Действительно, нередко режиссером, казалось бы, опытным мастером, владеющим всеми секретами своей профессии, не удаются постановки пьес, посвященных нашей советской современности. — У пьесы чаще всего получается посредственный спектакль.

Почему? Художественное мировоззрение таких режиссеров находится в плену давно понятой художественных традиций, как неких объективных форм. Искусство социалистического реализма требует от художника постоянных творческих исканий, постоянной новаторства, движущего вперед всякое искусство, в том числе и театральное. И говоря не о мнимом «новаторстве», под которым некоторые режиссеры подразумевают ошеломляющий зрителя сценический трюк, внешне занимающую мизансцену, «соединяющую» трактовку образа и т. д. Я говорю не о предвещенном и чуждом природе нашего реалистического театра формализме, а о подлинном новаторстве советского художника, которое базируется на его передовой идеологии, на его глубоком знании жизни, на умении постоянно находить и творчески обобщать жизненные явления, делать их достоянием искусства.

В нахождении новых и реалистических приемов и средств раскрытия на театральной сцене нового содержания советской драматургии и должно заключаться новаторство режиссера. Это новаторство, равно как и новаторство советского драматурга, основано на творческом усвоении традиций передовой реалистической театра и драматической литературы. И конечно же, задача режиссера состоит в том, чтобы помочь драматургу в поисках нового в искусстве, рожденного нашей жизнью.

4. — Так, — скажут мне режиссеры, привыкшие работать испытанными, апробированными средствами. — Принимая театральную режиссуру все грехи, вы освобождаете от труда драматургов. Выходит, дело драматурга — добыть и доставить театру только хороший материал; пусть он будет только лишь сырым, полуфабрикатом, — значения не имеет: режиссеры обязаны создавать из него совершенное произведение искусства...

Нет, я не отрицаю роли драматурга в сложных и многогранных процессах создания спектакля, я не свожу его роль к доставке нового материала для мастеров театра. Напротив, пьеса является началом и основой театрального творчества, и от того, насколько верна ее идея, насколько она правдива и талантливо написана, прежде всего зависит успех и действительная сила спектакля. Но именно поэтому задача режиссера состоит в том, чтобы помочь драматургу в поисках правды жизни и мастерства.

Вернемся к пьесе «Студенты». В процессе работы мы нашли новые театральные

приемы, которые, не нарушая своеобразной формы и необычного композиционного построения пьесы В. Лифшица, превратили спектакль в непрерывное сценическое действие. Именно то, что по началу представлялось нам наиболее непреодолимым, оказалось наименее сложным. Недостатки мастерства драматурга мы увидели в другом, когда, например, начали работать над одной из картин. Ее содержание таково: к студентам одного из институтов, пожелавшим работать летом на строительстве сельской ГЭС, приезжает председатель колхоза. Картина, как и вся пьеса, написана хорошим, образным языком, и когда я читал ее в рукописи, она казалась мне яркой и живой, рецитация никаких трудностей для ее воплощения на сцене я не видел. Но как только мы перевели авторский текст на язык сценического действия, произошла «авария»: сам по себе живой и действенный диалог превратился в скучную, статичную сцену.

Мы перечитывали текст — все правильно. Искали новые мизансцены — ничего не получалось. Так продолжалось до тех пор, пока мы не нашли причину «аварии»: действие, происходившее в картине, как бы выпало из ритма жизни героев пьесы. И автор, и режиссер, и актеры забыли, что разговор с председателем колхоза происходит в горячую пору переходных экзаменов, — ничто в жизни студентов не может быть оторвано от этого главного события! Режиссерские и актерские средства не в состоянии были исправить драматургическую ошибку, но стоило автору переработать картину, показать в сцене разговор с председателем колхоза атмосферу студенческой жизни в напряженные дни экзаменов, — вся сцена приобрела правдивость и достоверность.

В той же пьесе одна из картин изображает студенческое собрание. Автор написал очень горячие речи студентов. Актеры не менее горячо их произносили. И все же большого накала, большого напряжения, которое мы ожидали, не получалось.

Драматург, хорошо зная студенческую жизнь и быт, изобразил собрание во всех деталях. Но это была точная фотография, а не произведение художника. Подробно рассказав обо всем, что происходит на собрании, он обрек на бездействие фантазию зрителя.

После долгих раздумий мы, оставляя необходимую для развития драматургического действия картину, перенесли собрание из подготовленного автором и режиссером просторного помещения в примыкающую к нему маленькую, тесную курьезную, куда то и дело забегает покурить участник собрания. И обрывки фраз, короткие слова о том, что происходит на собрании, оказались более действенными, они выразительно передавали атмосферу и смысл события.

Неумение экономной, выразительной детально направить воображение зрителя на самостоятельное творческое воссоздание событий и чувств свойственно творчеству многих наших драматургов. Но еще труднее приходится театру, когда автор выносит за пределы действия, слышимого и видимого зрителем, главные события в жизни героев.

В пьесе «Иде-то в Сибири» И. Иронниковой через все действие проходит саратовские девушки: к началу пьесы они не понимают важности труда в тылу во время войны, а в конце, в силу ряда событий, становятся передовыми работницами, самоотверженно трудятся, захватывая напряженную жизнь завода. К судьбе этих девушек привлечено внимание зрителя. И очень важно, что переломный момент перестройки сознания саратовских девушек скрыт от зрителя и происходит где-то за кулисами...

«Герой перестроился в антракте!». Эту извечную реплику приходится нам нередко слышать на чутках новых пьес. К сожалению, основания для таких реплик достаточно велики.

А. М. Горький писал: «...Драма требует движения, активности героев, сильных чувств, быстроты переживаний, краткости и ясности слова. Если этого нет в пьесе — нет и драмы». Как бы хотелось, чтобы эти качества были в полной мере присущи пьесам наших драматургов, которые мы читаем, ставим, любим!

ЛЕНИНГРАД

Вс. ВОЕВОДИН

В 1839 году в Петербурге на Невском проспекте прогуливались двое: один — местный житель, по происхождению француз, другой — путешественник, тоже француз, посетивший Россию с целью изучить ее государственные и общественные учреждения, нравы, права, характер и свойства русского народа. Говорили о Пушкине, Петербурге сказал:

«Однако вам известно, что Пушкин был величайшим русским поэтом».

«Об этом мы не можем судить».

«Но мы можем судить о его славе».

Путешественник ответил высокомерно: «Восхваляют его стиль. Однако эта заслуга не столь велика для писателя, родившегося среди некультурного народа, но в эпоху угнетенной цивилизации... Для того, чтобы составить эпоху в жизни некультурного народа, окруженного народами просвещенными, ему достаточно перевести, не трать умственных усилий. Подражатель прославят создателя».

Этот разговор дословно описан в книге путешественника и литератора де-Кюстина «Россия в 1839», которая во многих переводах и переизданиях обогнала впоследствии все европейские страны и на десятилетия укрепила на Западе суждение не только о депрессивности русского самодержавия (в чем Кюстин был совершенно прав), но и о мнимом невежестве русских людей, о беспомощности их будто бы к культурному творчеству, к сильному и самобытному извлечению своего национального духа в литературе, в искусстве, в науке.

Сменялись поколения. Пропор Мерме, академик Франции, первый переводчик Пушкина и едва ли не единственный в ту пору знаток русского языка, однажды в

100 лет со дня рождения Ги де Мопассана

Выдающийся писатель французского народа

С. ЛЬВОВ

Физиономия бульварного листка «Vie Française» весьма характерна и в своей характерности весьма непривычна. Крупный банкир, биржевой спекулянт Вальтер — таков владелец газеты. Подложны депутаты парламента, заинтересованные в финансовых спекуляциях банкира, — такова негласная редакция. Журналисты, закуленные по-дешевке в толпе продажных писак, — таковы сотрудники. Министры и шутера, генералы и сутенеры, списочки и шутера — таковы источники информации. Скрытый шантаж, чуть прикрытая реклама, неприкрытая порнография — таковы направления.

История возвышения этой газеты не менее характерна. Провозглашающийся клеветой и вымогательством бульварный листок отравляется в большое плавание по мутным водам буржуазной логистики. Поддерживаемый им депутат — политический деятель без убеждений и чести — становится министром иностранных дел. Подозрительный орган шайки политических аферистов превращается в оффицио кабинета. Спекулируя на слухах о военных приготовлениях правительства, газета помогает осуществить грандиозную биржевую спекуляцию.

Итог: два министра заработали на этом по двадцати миллионов. Что касается Вальтера, то весь Париж знает, что он выгадал на этом деле вдвойне...

Историю бульварного листка, превратившегося в правительственный орган, рассказал в своем известном романе «Милый друг» один из последних во Франции больших мастеров критического реализма — Ги де Мопассан, сто лет со дня рождения которого исполняется сегодня.

Почетна была звонкой. С подложными крупными буржуазных газет, оправдывая известную поговорку «на море шанка горит», сочинял себя оскорбленными. Мопассан пришел оправдываться. Сделал он это не без лукавства: «Может ли кто-нибудь узнать себя в ком-либо из моих персонажей? Нет! Можно ли все же утверждать, что я имел в виду кого-нибудь? Нет! Потому что я ни в кого лично не метал».

Невысказанный ответ Мопассана читается между строк этого иронического объяснения с буржуазной критикой. Мопассан словно говорит: Жюль Верн — мелкий поставщик скандальной хроники, угнетенчеством и предательством, дельце и клеветой выживший в редакторы правительственного органа, — это собирательный портрет буржуазного журналиста; «Vie Française» — собирательное изображение буржуазной газеты, а в Лароне-Матье, продажном депутате, готовом на все для получения министерского портфеля, десятки выживших и будущих министров иностранных дел буржуазной Франции могут без труда узнать свой обобщенный портрет.

Мастер реалистической характеристики, Мопассан вместе с тем отлично владел искусством убийственной, почти протекторской сатирической детали. Из великого множества. Но о двух стоит особенно напомнить. Это — протекторизм в рассказе «Дом Телье», одетый в традиционный костюм, который официальные художники Третьей республики сделали обязательным атрибутом символического изображения буржуазной «свободы». Это английские моряки, берущие штурмом публичный дом с именем гимна «Правь, Британия».

Мопассан привычно называет историком реакционно-буржуазной Третьей республики, ее первых двух десятилетий. Однако сила и страстность его объяснения столь велики, что многие из нарисованных им картин почти не потеряли своей остроты для современной Франции.

«Vie Française» поддерживала своими статьями колониальную авантюру в Алжире и Танжере. Главной целью при этом были миллионы барыши банкира Вальтера. «Фигаро», «Ло руж а де нуар», «Ком-

ба поддерживают сейчас «глязную войну» во Вьетнаме. Цель та же: миллионные барыши Индо-китайского банка.

Не утратила своей актуальности и главная тема творчества Мопассана — уродство человеческих отношений в буржуазном обществе, где все является объектом купли-продажи.

В романе «Монт-Ортель» Мопассан изобразил банкира Андермата — человеко-

торой исчезнет все то, что он с такой яростью обличал.

Однако инстинкт большого и правдивого художника, художника, кровно связанного с жизнью родной страны, Мопассан тянулся к простым людям Франции. Нет и тени умничества или идеализации героев в его многочисленных рассказах о деревне, обличающих страшный мир эксплуатации. Но среди этих бесноводно правдивых рассказов о деревне находится и самые сочные, самые ясные страницы его творчества. Иногда это даже не страницы, а всего несколько строк. Они потрясают, будто повеял свежий ветер с новой Нормандии, столько раз победою обданных скандалом Мопассана.

Именно это живое влечение художника к простым людям, большим и ясным чувствам пропитывает его лучшие рассказы, такие, как «Пана Симона», например. Рассказ этот начинается с ситуации, для Мопассана более чем обыкновенной. Школьники издеваются над своим одноклассником — мальчиком Симоном, незаконнорожденным, не знающим своего отца. Казалось бы, детство Симоны будет изуродовано и отравлено лицемерной буржуазной моралью. Но судьбу мальчика берет в свои руки, но верные руки кузнец Филипп Ремь — «высокий рабочий с черными курчавыми волосами и бородой». Он и его товарищи — мальчики они представляются — могущественными гигантами — опоясывались в рассказе. Огонь горна, у которого Филипп и его товарищи решили судьбу мальчика, бросает своей горячей отсвет на оптимистическую концовку рассказа. Мальчик может громко сказать теперь, что у него есть отец. Это Филипп Ремь. «...а это был такой папа, которым всякий мог бы гордиться».

С первых шагов своего творческого пути Мопассан обратил пристальное внимание на опыт самой передовой литературы своего времени — оптимистическую русскую. В статье «Изобретатель слова «ингилизм» Мопассан характеризует Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и Тургенева, как классиков и отцов русской литературы. С огромным уважением говорит он о Белинском: «...Его авторитет был значительнее и выше, чем какого-либо другого критика, когда-либо и где-либо».

Говоря об отношении русских писателей к Мопассану, всегда упоминают высокие оценки его творчества, данные Толстым, Черновым, Горьким. Но не следует забывать и другого. Великие русские писатели знали, что творческий путь Мопассана отнюдь не был путем гармонического и ясного развития. Толстой писал:

«Трагизм жизни, произведений и гибели Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безответственности среде, он силой своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбылался из мировоззрения этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, вступив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освобождаясь».

Буржуазные критики стремятся фальсифицировать наследие Мопассана. Используя его идиотскую противоречивость, его оптимистические высказывания, они изображают писателя то сторонником буржуазного общества, то апологетом аристократии. Но достояние, на которое они покушаются, им не принадлежит.

Ги де Мопассан — автор «Пышки», «Милого друга», «Тотки Сожак», Ги де Мопассан, разоблаченный в своих романах механику буржуазного парламентаризма, продолжитель буржуазной прессы, либеральное буржуазное семейство, наконец, Ги де Мопассан, сказавший: «почему бы не судить правительства за каждое объявление войны?» — принадлежит народу Франции, принадлежит прогрессивному человечеству.

Видя и правдиво изображая уродливую, бесчеловечную сущность буржуазного общества, Мопассан не умел по-настоящему и до конца обратиться в порождающих ее социальных причинах.

Несмотря на то, что он начал свой творческий путь в годы, когда еще не умолкало эхо только что прозвучавших громовых раскатов Парижской Коммуны, несмотря на то, что писал он в годы, когда рабочее движение во Франции ширилось и росло, Мопассан не увидел пролетариата — единственной социальной силы, с победой которой

гибели Пушкина, курсивом выделяя в своей статье слова убит и на дуэли. Он, говоря о Лермонтове, прокинься, как прокинься во живое, все лучшее в России, тех, чьи подлые выстрелы обрвали жизнь и отточенного поэта. Лермонтов... еще более оригинальный, живой, впечатлительный и более необузданный, чем Байрон... и олит курением — «кубит и на дуэли» в 1841 году в возрасте 27 лет.

О Тургеневе Мопассан говорит просто, с глубочайшим уважением. «Он собрался в Медане, в деревушке на Сене, близ Парижа, в загородном доме Золя. Приходил Тургенев, рослый, с могучей серебряной бородой старик, с голубой, которая юные Мопассан казалась похожей на голову античного бога или бога Сальвадора — «свирепого отца». Тургенев приходил, усаживался на диван, с поосторогом рассказывал о первых частях еще не известного европейским читателям романа «Война и мир», вычитанных в далекой России. И осторожно, как бы выбирая французские слова, подходящие для передачи прекрасной пушкинской речи, читал и тут же переводил друзьям, передававшимся от изумления, стихи поэта.

Или просто говорил о России. Не о России карикатур Дора и «наблюдений» Кюстина, а о России Белинского и Герцена. Мопассан — молодой человек в кругу маститых — слушал. Потом писал: «Его литературные мнения имели тем большую ценность и вескость, что он не просто выражал суждение с той ограниченностью и специальной точки зрения, которой все мы придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя таким образом поле

своих наблюдений и сопоставляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках».

Тургенев требовал от них, своих молодых друзей, и от «начинающих», чтобы они в своих рассказах, романах, драмах, комедиях «давали жизнь», только жизнь — «куски жизни», беспомодно отброшенной все привнесенное в литературу ложной традицией и пошлым буржуазным вкусом.

О повестях и рассказах Тургенева Мопассан говорил, что «трудно понять, как можно добиться подобной реальности такими простыми по видению средствами». Сент-Бов, авторитетнейший критик Франции, писал о вышедшей из печати в 1857 году «Госпоже Боварь», что он узнает «признаки новой литературы (реалистической)». — Вс. В.: наука, наблюдательность, зрелость, сила и немного жестокости...» Рассуждая и бесстрастно определял. Своим друзьям Тургенев говорил о Белинском: «За полтора десятка лет до Сент-Бова Белинский писал о реализме, о новой литературе, опирающейся на народную правду, на народные силы народа и служащей народу во всем».

Внимание Мопассана к русской литературе имело глубокие корни. Он ясно видел ее могущее движение на просторы человеческой мысли, претельно выстраиваясь в ее светлые пути и цели. В Тургеневу в своих письмах Мопассан неизменно обращался — «сущитель» и «друг». Многое стоит за этим обращением.

С первых шагов своего творческого пути Мопассан обратил пристальное внимание на опыт самой передовой литературы своего времени — оптимистическую русскую. В статье «Изобретатель слова «ингилизм» Мопассан характеризует Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и Тургенева, как классиков и отцов русской литературы. С огромным уважением говорит он о Белинском: «...Его авторитет был значительнее и выше, чем какого-либо другого критика, когда-либо и где-либо».

Говоря об отношении русских писателей к Мопассану, всегда упоминают высокие оценки его творчества, данные Толстым, Черновым, Горьким. Но не следует забывать и другого. Великие русские писатели знали, что творческий путь Мопассана отнюдь не был путем гармонического и ясного развития. Толстой писал:

«Трагизм жизни, произведений и гибели Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безответственности среде, он силой своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбылался из мировоззрения этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, вступив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освобождаясь».

Буржуазные критики стремятся фальсифицировать наследие Мопассана. Используя его идиотскую противоречивость, его оптимистические высказывания, они изображают писателя то сторонником буржуазного общества, то апологетом аристократии. Но достояние, на которое они покушаются, им не принадлежит.

Ги де Мопассан — автор «Пышки», «Милого друга», «Тотки Сожак», Ги де Мопассан, разоблаченный в своих романах механику буржуазного парламентаризма, продолжитель буржуазной прессы, либеральное буржуазное семейство, наконец, Ги де Мопассан, сказавший: «почему бы не судить правительства за каждое объявление войны?» — принадлежит народу Франции, принадлежит прогрессивному человечеству.

Видя и правдиво изображая уродливую, бесчеловечную сущность буржуазного общества, Мопассан не умел по-настоящему и до конца обратиться в порождающих ее социальных причинах.

Несмотря на то, что он начал свой творческий путь в годы, когда еще не умолкало эхо только что прозвучавших громовых раскатов Парижской Коммуны, несмотря на то, что писал он в годы, когда рабочее движение во Франции ширилось и росло, Мопассан не увидел пролетариата — единственной социальной силы, с победой которой

гибели Пушкина, курсивом выделяя в своей статье слова убит и на дуэли. Он, говоря о Лермонтове, прокинься, как прокинься во живое, все лучшее в России, тех, чьи подлые выстрелы обрвали жизнь и отточенного поэта. Лермонтов... еще более оригинальный, живой, впечатлительный и более необузданный, чем Байрон... и олит курением — «кубит и на дуэли» в 1841 году в возрасте 27 лет.

О Тургеневе Мопассан говорит просто, с глубочайшим уважением. «Он собрался в Медане, в деревушке на Сене, близ Парижа, в загородном доме Золя. Приходил Тургенев, рослый, с могучей серебряной бородой старик, с голубой, которая юные Мопассан казалась похожей на голову античного бога или бога Сальвадора — «свирепого отца». Тургенев приходил, усаживался на диван, с поосторогом рассказывал о первых частях еще не известного европейским читателям романа «Война и мир», вычитанных в далекой России. И осторожно, как бы выбирая французские слова, подходящие для передачи прекрасной пушкинской речи, читал и тут же переводил друзьям, передававшимся от изумления, стихи поэта.

Или просто говорил о России. Не о России карикатур Дора и «наблюдений» Кюстина, а о России Белинского и Герцена. Мопассан — молодой человек в кругу маститых — слушал. Потом писал: «Его литературные мнения имели тем большую ценность и вескость, что он не просто выражал суждение с той ограниченностью и специальной точки зрения, которой все мы придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя таким образом поле

В доме великого акына

ДЖАМБУУ. (Наш норр.). У самого предгорья Ала-тау расположен колхоз имени Джамбула — родина великого певца казахского народа.

Во дворе дома-музея поэта, как прежде, стоит юрта, где Джамбул встречал многочисленных гостей, съезжавшихся к нему со всех концов Родины.

Жилые комнаты сохраняли тот же облик, какой они имели при жизни хозяина. На тех же местах лежат: его старая добрая, седая узорная серебряная чеканка.

В ряде картин и фото ярок отражена деревованная жизнь Джамбула и советские годы его жизни, пора второго рождения великого акына, расцвет его творчества. Джамбул в момент вручения ему

М. П. Калининским ордена Ленина. Джамбул вместе с украинским поэтом Павлом Тычиной. Грузия, родина великого Сталина — Гори. Поездка в Грузию, вдохновивший акына на создание книги стихов «Путешествие на Кавказ», посвящен специальной раздельной фронтовой газете со стихами акына. Много подарков, сделанных поуту народом: узорные халаты, ковры, редкие книги, фарфоровая ваза от рабочих Ленинграда.

Большая карта мира. Белыми кружочками обозначены на ней советские и зарубежные города, где изданы произведения Джамбула: Москва, Ленинград, все столицы союзных республик, Прага, Будапешт, Берлин, Париж, Нью-Йорк, Мадрид.

МОПАССАН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 1839 году в Петербурге на Невском проспекте прогуливались двое: один — местный житель, по происхождению француз, другой — путешественник, тоже француз, посетивший Россию с целью изучить ее государственные и общественные учреждения, нравы, права, характер и свойства русского народа. Говорили о Пушкине, Петербурге сказал: «Однако вам известно, что Пушкин был величайшим русским поэтом».

«Об этом мы не можем судить».

«Но мы можем судить о его славе».

Путешественник ответил высокомерно: «Восхваляют его стиль. Однако эта заслуга не столь велика для писателя, родившегося среди некультурного народа, но в эпоху угнетенной цивилизации... Для того, чтобы составить эпоху в жизни некультурного народа, окруженного народами просвещенными, ему достаточно перевести, не трать умственных усилий. Подражатель прославят создателя».

Этот разговор дословно описан в книге путешественника и литератора де-Кюстина «Россия в 1839», которая во многих переводах и переизданиях обогнала впоследствии все европейские страны и на десятилетия укрепила на Западе суждение не только о депрессивности русского самодержавия (в чем Кюстин был совершенно прав), но и о мнимом невежестве русских людей, о беспомощности их будто бы к культурному творчеству, к сильному и самобытному извлечению своего национального духа в литературе, в искусстве, в науке.

Сменялись поколения. Пропор Мерме, академик Франции, первый переводчик Пушкина и едва ли не единственный в ту пору знаток русского языка, однажды в

Обзор военных действий в Корее

Бои, развернувшиеся за последние дни в бассейне верхнего и среднего течения реки Нактонган, принимают все более напряженный характер. Долина Нактонгана отличается некоторыми особенностями. Река протекает в горных районах, среди перевалов и ущелий. Войска интервентов пытаются использовать эти естественные укрепления для своей обороны. Однако, несмотря на непрерывное поступление подкреплений, им не удается подолгу закрепиться на каком-либо оборонительном рубеже. Под ударами Народной армии интервенты все более «сжимают» свою линию обороны.

В настоящему времени на фронте юга Кореи сражаются американские войска, общая численность которых достигает пяти дивизий, а также остатки лысинамальной армии.

Американские соединения под натиском Народной армии поспешно вынуждены отходить, неся большие потери в людях и технике. Как передавало лондонское радио, представитель штаба МакАртура в Токио заявил, 3 августа, что «американские и южнокорейские войска провели большую операцию отступления...». В сообщениях корреспондентов из Кореи указывается, что американцы отошли на 24 км. Оставив город Аньдон, Хамчхан, Санчжу и ряд других пунктов, они заняли оборону на левом берегу в излучине реки Нактонган.

По данным лондонского радио, в центральном секторе фронта танковые и пехотные колонны Народной армии развернули мощное наступление. Отступившие американские и южнокорейские войска оказываются на новых оборонительных рубежах и подвергаются обстрелу артиллерии Народной армии. В районе Кымчхон-Хёнчхон американцы также потеснены на восток. Освободив полностью город Кымчхон — важный стратегический центр, прикрывавший подступы к Тагу, части Народной армии продолжают наступление на широком фронте. Как передает корреспондент агентства Ассошиейтед пресс, они обстреливают шоссеюную дорогу юго-западнее Тагу и наносят удары с целью нарушить американские коммуникации. Значительно усилилась в этих местах деятельность партизанских отрядов.

В знак протеста против американской агрессии в Корею датская молодежь организовала в Копенгагене демонстрацию. Участники несли плакаты, на которых было написано: «Руки прочь от Кореи!», «Обуздайте обезумевших поджигателей войны!», «Нам нужны не реактивные самолеты-истребители, а жилища и более высокая заработная плата!», «Американцы, вы из Дании!».

Снимок из датской газеты «Ланд ог фольк».

Недавно они совершили удачную операцию на дороге Кымчхон-Тагу. Перерезав ее, партизаны преследуют отступающего противника. Партизанские отряды активизировались также в районах городов Хаджу, Усань, Пусан и Тагу.

На южном участке фронта интенсивные бои идут в долине реки Намган — притока Нактонгана, в 20 км восточнее города Чинчжу. Корреспондент агентства Юнайтед пресс передает, что в результате обходного маневра войска Народной армии окружили здесь части американской 24-й пехотной дивизии. Американские войска на этом участке фронта, как сообщает лондонское радио, вынуждены были отойти на другой берег реки Намган, уничтожив за собой мосты. Особенно сильный нажим Народная армия оказывает вдоль дороги, ведущей из Чинчжу в Пусан. Ее танковые и пехотные колонны, поддерживаемые артиллерией, продолжают настойчиво продвигаться к Пусану. Одна колонна наступающих войска, по данным лондонского радио от 3 августа, находилась в 13 километрах от Масана — второго по значению порта на южнокорейском побережье. 4 августа гамбургское радио сообщает, что Народная армия находится на расстоянии шести километров от Масана.

По данным корреспондента Юнайтед пресс, американские интервенты удерживают сейчас только 10 процентов территории южной части страны. Лондонское радио отмечает, что в результате последнего отступления американских и южнокорейских войска, линия фронта составляет теперь всего 200 километров.

Военный обозреватель газеты «Дейли компас» Макс Вернер, оценивая положение на фронте, отмечает «искусную тактику северокорейцев». «Они», — подчеркивает обозреватель, — «сковывают американские войска, обходя их с флангов и создавая угрозу для их тыла. Стратегия северокорейцев заключается в том, чтобы перемолоть, отрезать и постепенно разгромить прибывающие американские резервы».

О высокой способности и тактическом искусстве Народной армии вынужден говорить и военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Болдуин. Касаясь приказа командующего американскими войсками в Южной Корее генерал-лейтенанта Уокера «стоять на смерти, но не отступать», он констатирует, что американцам не удается удерживать линию фронта; части Народной армии «попрежнему добиваются успехов».

Джон Пит

Я В Ы Б Р А Л М И Р

Международные

ОТКЛИКИ

ПРЕЗИДЕНТ И КАУДИЛЬО

Скандальный роман Трумэна с международной политической проституткой Франко завершен браком. Брачное свидетельство собственноручными подписями скреплено 65 сенаторами США, предоставивших «каудильо Испании» заем в 100 миллионов долларов.

Трумэн давно зарится на испанских солдат. А генерал-бухгалтер Брэдди уже скальпировал: за столько-то миллионов долларов можно купить столько-то тонн испанской крови. Страны ударили по рукам. И в тот самый день, когда сенат одобрил вопрос о включении Испании в план Маршалла, франкский дипломат в Вашингтоне заверил Трумэна, что Франко поддержит американскую военную авантюру в Кореи. Брэдди доволен сделкой. Он предпологает, что с Франко можно сорвать 300—400 тысяч испанских душ. Он не понимает, что это мертвые души!

Предоставление займа Франко вызвало волну протеста со стороны общественного мнения США. На сцене появился Ачесон. Выразил для отвода глаз неудовольствие формулировкой решения сената, глава американской дипломатии, потрудившийся над сколачиванием оси Вашингтон — Мадрид, тут же поспешил одобрить предоставление Франко 100 миллионов долларов. С аналогичным заявлением выступил и президент Трумэн.

Нет нужды говорить о том, что изворотливость Ачесона и Трумэна и на этот раз никого не может ввести в заблуждение. Разъясняя намерения американских авантюристов, швейцарская газета «Трибун де Женев» пишет, что если на предстоящей сессии Генеральной ассамблеи ООН Аргентина и другие республики Латинской Америки возьмут на себя инициативу восстановления нормальных дипломатических отношений с Мадридом, то США будут голосовать вместе с ними».

Участники позорной сделки — и прозаик и популяризатор — забыли о желаниях и намерениях испанского народа. Испанцы недвусмысленно заявляют, что никогда не будут воевать за интересы алчных янки. Как сообщает орган испанской компартии «Мундо Оберо», четверть миллиона патриотов уже присоединилась к Стокгольмскому Возмущению.

Гнусная сделка Даллеса с Ли Сын Маном не выдела давра в политику вагнеровских стратегов. Ставки на корейском фронте оказались битыми. Битой будет и ставка на испанского ли сына мана. Испано-американский брак не сулит счастья ни Трумэну, ни Франко.

В ПОИСКАХ ПУШЕЧНОГО МЯСА

Джону Фостеру Даллесу — советнику государственного департамента — захотелось послать самым мудрым американским дипломатом. В самом деле, Ачесон болтает много, выбивается из сил, а толку от его речей никакого — американские сателлиты отнюдь не спешат послать своих солдат в Корею. Не таков он, Даллес, человек дела, одно его слово — и проблема пушечного мяса будет, по его мнению, решена.

И вот на днях он произнес речь в одном из клубов города Сан-Франциско. Как и Дин Ачесон, Дж. Ф. Даллес по профессии адвокат. Однако на этот раз он отказался от адвокатского лицемерного красноречия и высказался начистоту.

«Сосединые Штаты», — заявил Даллес, — «должны внимательно следить за тремя «политическими фронтами»: Японией, Германией и Организацией Объединенных Наций».

Разумеется, два фронта г. Даллеса — германский и японский — имеют чисто внешнее значение. С этих фронтов он намеревается черпать пушечное мясо. С пятым номером матерого поджигателя тут же он определил и задачи западногерманской и японской армий: «Это не означает, что они (т. е. западные немцы и японцы. — Лит.) должны создать национальные армии для удовлетворения чисто национальных стремлений». Другими словами, западногерманское и японское пушечное мясо предназначается всецело для кровавых авантур Уолл-стрита.

Третий фронт — Организация Объединенных Наций. Этот фронт, как полагает г. Даллес, служит не только «идеологическим» прикрытием американской агрессии. Мероприятия Советом Безопасности, говорит он, «открыли нам глаза на всекие положительные возможности, тащиеся в Организации Объединенных Наций». Что это за «возможности» — всем хорошо известно. Пушечное мясо, оружие, самолеты — вот чего ждет г. Даллес и от ООН. Окончательно распознавшись, он требует полной свободы рук, отказа от принципа «единогласия» великих держав в Совете Безопасности.

Такими, в общих чертах, предложения г. Даллеса.

Однако г. Даллесу придется убедиться, что сколотить армию ландскнехтов — задача почти неразрешимая. Сам Даллес был вынужден признать, что «одни Соединенные Штаты путем контроля издали бы не могли удерживать 45 миллионов японцев в свободном мире, если бы, используя свою мощь, не усилили проявления доброй воли самих немцев и японцев». Илох дело у американского жандарма, если всю его «мощь» нужно бросить на то, чтобы добиться проявления «доброй воли» от японцев и немцев!

Одним словом, Ачесон может не беспокоиться: Даллес ему не соперник. То, что не удается государственному секретарю, явно не получается и у советника.

ЛИТЕРАТОР

Джон Пит — бывший главный корреспондент агентства Рейтер в Берлине — выступил, как известно, в середине июня этого года с публичным заявлением, в котором подчеркнул: «В качестве западного журналиста я автоматически и все в большей мере превращаюсь в орудие контролируемой американцами военной машины. Как английский патриот, демократ и друг мира, я не могу больше идти по этому пути». По словам Пита, «последней каплей», переполнившей чашу его терпения, были «ложь и разжигающие военные психоз» сообщения буржуазной прессы о подготовке демонстрации молодых борцов за мир в Берлине.

Правая с поджигателями войны и передряг в лагерь мира и прогресса, Джон Пит начал активно бороться за укрепление этого лагеря. Сейчас он выступает в различных городах Германской демократической республики, которая по его просьбе предоставила ему право убежища, с яркими разоблачительными докладами о захватнических планах англо-американской реакции.

Помещаемые нами статьи Джона Пита представляют собой не только ис-

рида; город находится в руках республиканцев. — возразил корреспондент. — Брунда! — последовал ответ главного редактора. — Вы — коммунист!

На следующий день после этого разговора в «Морнинг пост» было помещено сообщение о падении Мадрида.

Это было мое первое знакомство с безудержной лживостью буржуазной прессы; впоследствии, работая корреспондентом агентства Рейтер, я не раз сталкивался с проявлениями подобной лживости.

Когда два года спустя Мадрид пал вследствие саботажа со стороны британского, французского и американского правительств, я вернулся в Англию.

Поскольку я никак не могу найти себе работу — ведь я вернулся из Испании — мне пришлось отправиться в Палестину, где я поступил в аппарат британской администрации. Там я проработал до самого конца войны в качестве редактора «Последних известий» иерусалимского радио.

После окончания войны я снова отправился в Лондон и начал работать в агентстве Рейтер. Мне казалось, что, работая корреспондентом этого агентства, которое я считал тогда честным и объективным, я смогу внести небольшой вклад в дело распространения истины среди народов и способствовать построению нового, лучшего мира.

Поскольку я знаю немецкий язык, меня послали в Вену в качестве корреспондента. Первое же впечатление от оккупационных властей западных держав было совершенно ужасным. В то время как жители Вены, сидевшие на голодных пайках, прилагали все усилия к тому, чтобы как-то наладить свою жизнь, английские, французские и американские офицеры предавались совместным развлечениям с корреспондентами невиданным куражом и разгулом.

В этот период оккупации — был 1945 год — в органах западных оккупационных властей находились еще прогрессивно настроенные люди, которые искренно стремились к соглашению со своими советскими коллегами и действительно прилагали усилия к тому, чтобы предотвратить новую мировую войну. Число таких людей, однако, было сравнительно невелико, а в результате тщательного устранения всех тех, кто был известен как сторонник мира и прогресса, ряды их вскоре еще более поредели.

Эта атмосфера всеобщего разложения поместил на своих страницах 54 отчета корреспондентов из Шанхая, Тяньцзиня, провинции Шаньдун, Северо-Восточного Китая, из армии и целого ряда деревень.

Журнал «Народная литература», во главе которого стоят писатели Мао Лунь и поэт Ань Цин, охотно предоставляет свои страницы выступлениям молодых писателей, чей приход в литературу — вторая важная особенность нашей литературной жизни.

Как правило, молодые писатели — люди, хорошо знающие жизнь. Скоро выйдет из печати повесть «Пламя над равниной» («Шиньаньхэ») молодого писателя Сюй Гуан-юэ о партизанской войне против японцев в провинции Хэбэй. Сюй Гуан-юэ хорошо знает свою тему: он участник партизанской войны и сейчас служит в рядах Народно-освободительной армии. Группа участников переправы через реку Чанцзян (чаще ее называют Янцзыцзян) написала повесть «Победоносная переправа через Чанцзян», политрук батальона Народно-освободительной армии Хан Си-лянь написал повесть «66 дней» о Ухуайской битве.

С каждым днем появляется все больше и больше произведений, посвященных теме рабочего класса. Сюда относится повесть писательницы Цао Мин «Движущая сила», рассказы Лу Мэй «Два красных флага» и Ли На «Уголь», повесть «Как делаются снаряды» — о труде рабочих военного завода, киносценарий Чень По-эр «Новый свет» — о китайских электриках, по которому чучунская киностудия «Дунбэй» выпустила одноименный фильм.

Необходимое условие дальнейшего роста

кренний человеческий документ. Одновременно и в первую очередь они являются правдивым и красноречивым разоблачением чудовищных нравов печати, обслуживающей агрессоров и готовой в любой момент по их приказу обогатить и оклеветать сторонников мира.

Джон Пит беспощадно использует свой собственный горький опыт для показа «кухни» этой печати, приводит неопровержимые факты и приходит к выводу, что печатные в этой прессы клеветнические «сенсации» обычно пишутся чернилами, изготовляемыми из лжи, крови и грязи.

В мае нынешнего года британский командант в Берлине генерал Борн обратился к журналистам со следующим откровенным заявлением: «Я считаю все важной частью своего гарнизона. У всех нас одна и та же задача, и вы для меня значите больше, чем целый батальон».

Статья Джона Пита как раз и рассказывает о том, почему их автор отказался от более чем сомнительной «чести» клужить солдатом в «батальоне» генерала Борна.

не могла не оказать влияния и на корреспондентов, хотя часть из них приехала в Берлин с такими же мыслями и надеждами, как и я.

Некоторые из корреспондентов, убежденные в том, что в редакциях пославшие статьи искажают, вплоть до предания написанному совершенно противоположного смысла, с отвращением бросили свою работу и возвратились в Англию.

Однако те журналисты, которых привлекала праздная жизнь, прочно засели в своих клубах и проводили время за бутылкой джина. Они посылали своим газетам сообщения, получаемые в готовом виде из пресс-бюро английской и американской военной администрации, или же так называемые «информации», которые они получали из подпольных «баров» и «графинь», постоянно вертевшихся в кругу британского пресс-клуба, где им было обеспечено хорошее угощение.

На каждого корреспондента, который старался получить необходимые сведения нормальным путем, а не черпать материал из официальных источников и реакционных венских газет, смотрели, как на чужака или даже как на сумасшедшего. Мои беспробудно пьянствовавшие коллеги, находившиеся в полной изоляции от внешнего мира, вели поистине колониальный образ жизни. Они дали мне вскоре прозвище «австриец Пит» лишь потому, что я разговаривал с «туземцами» и носил обычный штатский костюм вместо того, чтобы разгуливать в форме военного корреспондента, которую все они в то время еще носили.

Фотоаппарат запечатлел примечательную картинку: плакат с надписью «Мир. Запретить атомную бомбу!» на дверях дома, в котором живет нынешний ректор Колумбийского университета, известный поджигатель войны Дуайт Эйзенхауэр. Этот плакат повесили однажды утром американские сторонники мира, выразив тем самым свое отношение к клике людоедов-атомщиков и ее достойному представителю генералу Эйзенхауэру.

Снимок из американской газеты «Дейли уоркер».

Заметки о литературной жизни в новом Китае

В Пекине, во Дворце культуры молодежи, я видел пьесу. В ней показан созидательный труд лучших людей нашего рабочего класса после освобождения и одновременно остро высмеиваются еще встречающиеся у нас люди, которые много говорят, но ничего не делают. Казалось бы, нет ничего особенного в том, что молодежный клуб ставит пьесу. Театральная жизнь Пекина с тех пор, как город был освобожден от гоминдановского ига, бьет ключом. Но в данном случае за этим простым фактом крылось событие большого значения.

Автор пьесы «Не быть пылаками» — шипчанский железнодорожник Вэй Янцзэн.

Это его третья пьеса. На сцене пекинского Дворца культуры молодежь пьесы ставилась драматическим коллективом шипчанских железнодорожников и встретила высокую оценку театральных и литературных кругов. Этот факт иллюстрирует одну из главных особенностей литературной жизни нового Китая — живое повседневное участие широких народных масс в литературе. Народные массы не только требуют от писателей высококачественных произведений — они сами их создают. В особенности это относится к героическому китайскому пролетариату.

ЛЮ БАЙ-Ю

Наша рабочая — ведущая сила национальной реконструкции и строительства нового Китая — принимает самое активное и горячее участие в деле создания национальной литературы и искусства. На наших фабриках и заводах большое распространение получили литературно-художественные кружки. На крупнейшем в Китае Аньшаньском металлургическом комбинате рабочие издают собственный иллюстрированный литературно-художественный журнал «Аньшаньская сталь». В Мукдене, например, работают 108 самостоятельных театральных кружков, в которых участвуют 3.500 человек. Силами участников кружков только за вторую половину прошлого года было осуществлено 732 выступления, написано 156 небольших пьес.

Литературное движение в народных массах приняло такие масштабы, что назрела необходимость создания специального общества для изучения народного творчества. Такое общество было создано. Активное участие в его работе принимает наш известный писатель Чжао Шу-ли. Одна из важнейших задач общества — использование народных форм литературного и театрального творчества для популяризации задач нового Китая среди самых широких народных масс.

больших литературно-музыкальных пьес «Дагу», «Куайбань», «Шоу». Первое — это представление под барабан («дагу» — большой барабан), второе — под кастаньеты. «Шоу» — театральные выступления чтецов и рассказчиков. Эти формы народной драматургии завоевали прочные симпатии зрителей. Некоторые из этих пьес пользуются большой популярностью у зрителей. Такими пьесами «Герои ста трамваев», «Мост десятиречья», «Возник Шипу-лань». Отличительная черта народной драматургии — острая, животрепещущая тематика. Так, например, пьеса «Герои ста трамваев» посвящена героическому подвигу пекинских трамвайщиков, вставших на защиту трамвайной линии в период оккупации гоминдановцами. Перед самым праздником враги сжигают отремонтированные и украшенные в праздничном виде вагоны. Но рабочие снова берутся за их ремонт и заканчивают его в предельно короткий срок.

Видная роль в руководстве литературным движением принадлежит нашей прессы и в первую очередь центральному органу нашей партии — газете «Женьминьжао». Всекитайская федерация работников литературы и искусства издает двухнедельный журнал «Литература и искусство», главным редактором которого является известный китайский писатель Дин Лин. Журнал «Литература и искусство» имеет широкую сеть корреспондентов. Благодаря им налажен регулярный обмен опытом между отдельными литературными коллективами. За последние шесть месяцев журнал